



ЗАРУБІЖНА ЛІТЕРАТУРА

В ШКОЛАХ УКРАЇНИ

5 • 2010

СЬОГОДНІ В НОМЕРІ:

- ◆ Орієнтовне поурочне планування уроків зарубіжної літератури. 10 клас
- ◆ Міфопоетика гоголівської "Шинелі"
- ◆ Фентезі як один із шляхів формування постмодерністського мислення
- ◆ Пошук автора, або Хай живе читач. Дещо про читання постмодерних детективів
- ◆ Специфіка системи образів трагедії Шекспіра "Гамлет"
- ◆ Вивчення казки "Маленький принц" Антуана де Сент-Екзюпері
- ◆ Жанрово-тематичне розмаїття лірики Олександра Пушкіна
- ◆ Сонет в російській літературі першої половини XIX століття
- ◆ Літературно-музична композиція, присвячена 65-ій річниці Перемоги у Великій Вітчизняній війні

Передплатний індекс
90230



Високо підносить мистецтво людину, надаючи шляхетності й дивовижної краси порухам душі.

Микола Гоголь

Звідки бралось, з яких криниць, з яких джерел було чарівне гоголівське слово? Слово великого Тоголя не тільки не померло й ніколи не вире, а дасть ще чудові паростки!

Остап Вишня



Почти год назад я позвонила Виктору Валентиновичу по поводу своей статьи, а разговор получился о многом: о работе нашей кафедры, о конференциях, о школьной программе и насущных проблемах учителей-словесников, о зарубежной литературе в целом и ее отдельных представителях. О чем мы тогда ни переговаривали! Первое, что меня удивило и поразило в собеседнике, — это умение слушать. Не особенно настроенная на долгий разговор, не желая беспокоить делового человека, я неожиданно для себя разговорилась, потому что почувствовала, что имею дело не просто с редактором известного журнала, но с человеком, считающим служение Литературе делом своей жизни.

Говорили и о предстоящем юбилее Н.В.Гоголя, о том, как мало произведений писателя включено в школьную программу. Виктор Валентинович предложил написать статью о "Шинели". К сожалению, другие проблемы отодвинули ее написание на неопределенный срок. После смерти мамы совершенно не думалось о статье, хотелось замкнуться в себе.

Через три месяца на работе я узнала о смерти Виктора Валентиновича, о его мужестве последнего периода жизни и настоящем подвиге создания книги о М. Булгакове. Вспомнила о своем обещании и решила, что непременно выполню его. Во имя светлой памяти Виктора Валентиновича Рогозинского.

Татьяна Тверитинова

Мифопоэтика гоголевской "Шинели"

В гоголевском творчестве "Шинель" занимает особое место. Во-первых, это пятая и последняя из петербургских повестей. Во-вторых, это произведение, вышедшее в один год вместе с первым томом "Мертвых душ" и завершающее авторский петербургский текст, в котором восприятие столичного города окрашивалось в тона апокалипсической эсхатологии. В-третьих, из гоголевской "Шинели" "вышла", по мнению Ф.М.Достоевского, вся последующая русская реалистическая литература.

В повести "Шинель" следует особо выделить присущую Гоголю глубинную мифологичность художественного мышления и чрезвычайно сложный синкретизм собственно гоголевской мифологизации явлений столичной действительности с универсальными мифопоэтическими схемами, которые писатель использовал интуитивно, сквозь призму фольклорного мировидения.

"В сущности, — замечает В.М. Маркович, — каждый из гоголевских сюжетов — это симбиоз двух популярнейших форм городского фольклора — анекдота и легенды" [6, с.40]. Поистине анекдотические фабульные ситуации переплетены со слухами, с неперенным неопределенно-личным зачином "говорят" и неизменной верой во все происходящее. Рассказчик верит в фантастический конец повести о шинели, когда мелкому чиновнику "суждено на несколько дней прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь" [4, с.169]. Мотив посмертного социального возмездия сближает гоголевское произведение с петербургской легендой, исходящей из глубины XVIII века ("мертвый хватает живого") и основанной на вере народа в загробную месть жертв властителям и судиям. Обостренное чувство социальной справедливости, вера в ее торжество, равно как и в чудеса и небылицы, сближают

рассказчика со стихией народного сознания, что было особенно важно автору.

В литературоведении давно обратили внимание на введение Гоголем в русскую прозу сказовой манеры изложения. Рассказчик-провинциал с его ориентацией на широкую аудиторию третьего сословия был важен Гоголю как чужой голос, "прежде всего, как социально определенный человек с соответствующим духовным уровнем и подходом к миру, а затем и как индивидуально характерный образ" [2, с.225]. Как справедливо считает В.М. Маркович, Гоголь сознательно смешивает в повествовании книжно-письменную и устно-разговорную речь, использует сказ, чтобы освободить сознание читателя от тяготеющих над ним навыков и открыть ему глубинную правду о мире, странную, невероятную, тяготеющую к мифологическому истолкованию как единственно возможную [6, с.51—52].

Восприятие города, его климатическо-метеорологической специфики, непреходящих холодов с ветром, "дующим со всех четырех сторон", ассоциируется с распространенной в большинстве мифологий "демонической интерпретацией севера, где находится царство мертвых, обитают злые духи и великаны" [7, с.284]. Думается, что использование традиционно-метафорического контраста юга и севера у Гоголя происходило подсознательно и ненамеренно, когда в процессе реалистического изображения столичного города невольно возникали мифологические ассоциации. Тем более, что взгляд на город извне и снизу, тяготеющий к фольклорному сознанию, вполне соответствовал такому восприятию северной столицы.

Гоголевская петербургская демонология складывается из мифологизации природной сферы, уличного освещения и определенных лиц, действующих только в этом городе. Специфика климата, открытость местности, холод, пронизывающий ветер позволяли

воспринимать петербургское пространство как царство Аида. Мифологизация же уличного освещения города вводила читателей в метафизическую субстанцию какого-то антимира, предполагающую встречу с инфернальными силами.

В гоголевской петербургской демонологии в контексте повести "Шинель" выделяется фигура портного Петровича. Именно он выступает в роли демона-искусителя, "приговорившего" чиновника Башмачкина к пошиву новой шинели, а заодно и к смерти. Этот мотив усиливается его мифологическим значением: в оценках жены Петрович постоянно отождествляется с чертом. Необычна и внешность героя: его одноглазость наводит на невольные ассоциации с Лихом, выступающим в мировом фольклоре либо слепым, либо одноглазым, и тогда Акакий Акакиевич, обратившись за помощью к Петровичу (Лиху), связывает себя с горем и несчастьем. И еще одна деталь: на ноге у босого портного большой палец "с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп" [4, с. 149], или, точнее, как конское копыто, которым снабжена одна нога у черта, указывающая на его "зверскую" природу, неблагонамеренную по отношению к человеку. Размышляя о характере черта в русском фольклоре, Э.В. Померанцева замечает: "Черт никогда не выступает в качестве благодетеля. Это опасное зло" [8, с. 119]. А учитывая славянские представления о действиях нечистой силы, посылающей зимние вьюги и метели [1, с. 10, 28], можно соответственно предположить, что черт намеренно наслал холод, чтобы заставить явиться к нему человека. Чтобы войти в комнату Петровича, Акакию Акакиевичу нужно было пройти через кухню, в которой хозяйка "напустила столько дыму..., что нельзя было видеть даже и самих тараканов" [4, с. 148]. Вновь всплывает мифологическая ассоциация: подруга черта-Петровича — ведьма, воспринимающаяся в большинстве мифологий на кухне у печки. Окончательный приговор пошива новой шинели, как известно, прозвучал в воскресенье, отмеченное в календаре Петровича крестиком в честь законного повода, чтобы напиться, но крестик, "означавший для кого-то праздник, ... оборачивается для бедного героя траурным смыслом" [3, с. 56]. Да и отчество — Петрович — позволяет предположить: житель города Петра и порождение его инфернальной действительности.

Познание этой действительности для петербуржца чревато многими соблазнами, и едва ли не ведущий из них — женщина. Пока шьется шинель, Башмачкин мечтает о ней как о "подруге жизни". В новой одежде герой уже засматривается на вполне материализованных женщин, среди которых не последнее место занимает "какая-то дама, которая, как молния, прошла мимо..." [4, с. 159]. Поездка значительного лица к Каролине Ивановне обернулась встречей с мертвецом, угрозой и кражей шинели, что сильно его потрясло. Как видим, появление женщины в жизни героев оборачивается мотивом "демонской прелести", ведущей их через соблазн к катастрофе.

У Гоголя настолько переплетено демоническое с социальным, фантастическое с реальным бытом, что разграничение их просто не представляется возможным.

Гоголь мифологизирует своих героев по роду занятий или какой-либо черте характера, за которыми угадывается стремление противостоять фантазмагоричности петербургской действительности. Таким образом, создается определенный ряд мифов (о самозванце, о мечтателе, о переписчике), своего рода сопутствующий мифологический словарь, являющийся составным компонентом гоголевского петербургского текста.

Гоголь рассматривает один из вариантов ухода от городской суеты, когда единственно доступная герою форма деятельности — переписывание является способом проявления его личности. В данном случае речь идет о созданном писателем мифе о переписчике, который своей генеалогией исходит из западноевропейской литературы, в русской же он не имеет аналогов. У гоголевского Башмачкина был только один предшественник — студент Ансельм из повести Э.Т.А. Гофмана "Золотой горшок", которому помимо стремления уйти в фантастический мир мечты была свойственна любовь к переписыванию архивных рукописей, написанных каллиграфическим почерком.

Таков и Акакий Акакиевич, которому в переписывании "виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение



В. Горяев. Гоголь в Петербурге



В. Горяев. В новой шинели.
Иллюстрация к произведению
Н.В. Гоголя "Шинель"



В. Горяев. Акакий Акакиевич.
Иллюстрация к произведению
Н.В. Гоголя "Шинель"

выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его" [4, с.144]. Бессмысленное переписывание букв, в котором заключался, как ни парадоксально звучит, весь смысл жизни Башмачкина, восходит, вероятнее всего, к евангельскому изречению апостола Павла, предупреждающего об опасности служения мертвым буквам: "потому что буква убивает, а дух живит" [II Кор., 3:6]. Любовь к переписыванию обнаруживает у Акакия Акакиевича такие качества характера, как кротость, смирение, отрешенность и пренебрежение к насущным благам окружающего мира, восходящие, условно говоря, "к архетипу писца, глубоко укорененному в мировой культуре" [10, с.139]. Образ жизни гоголевского героя, искушение и испытание его, смерть и последующие за нею посмертные чудеса позволяли исследователям сопоставлять Акакия Акакиевича с героями житийной литературы. А день рождения Башмачкина — 23 марта — соотносится, по мнению О.Г. Дилакторской, "с днем государственного признания труда Димитрия Ростовского (23 марта 1701 года), литературно обработавшего житие святого Акакия и другие житийные рассказы", признанного тем самым "их своеобразным создателем" [5, с. 202—203].

Как нам представляется, гоголевский миф о переписчике может выступать не только в качестве жития, но и одним из вариантов "мифа о пути" (Д.Е. Максимов), в котором можно выделить следующие эпизоды:

1. Исконное блаженство первобытия. В этом состоянии гоголевский герой, совершенно отрешившийся от окружающей жизни и полностью ушедший в переписывание, пребывает до тех пор, пока петербургский холод не поставит его перед фактом прохудившегося "гардероба".

2. Утрата "рая" и нисхождение в жестокий мир материальной действительности наступают после приговора Петровича, вынесенного старой шинели. Новые заботы о средствах на пошив шинели и связанные с ними вынужденные ограничения окончательно выбивают Башмачкина из привычного состояния, он поддается искушению шинелью "на толстой вате, на крепкой подкладке без износу" как "какой-то приятной подруги жизни" [4, с.154]. Изменяется и характер героя, правда, "самые дерзкие и отважные мысли" его не шли дальше стремления положить куницу на воротник; увлекшись подобными размышлениями, он чуть было даже не сделал ошибки при переписывании. Как видим, ужас Башмачкина при первом визите к Петровичу постепенно заменяется деятельностью и приятными размышлениями о будущей шинели, которая, наконец, была сшита.

3. Обретение "новой жизни", соединяющей ценности духовного бытия с магистральной воплощенностью земного наступает в тот момент, когда счастливый Башмачкин надел новую шинель. По мнению А.Хипписли, исследовавшего библейскую и евангельскую семантику одежды в данной повести, можно проследить аналогию между переодеванием Акакия Акакиевича и духовным воскресением [9, с.124—125]. Более того, новая шинель уравнила его с сослуживцами, один из которых, помощник столоначальника, пригласил его вместе с другими на именинный вечер. Однако обретение "новой жизни" оказалось недолговечным: самый счастливый день в жизни Башмачкина заканчивается трагически.

4. Катастрофа с необратимыми последствиями и возможным фантастическим исходом. Итак, у мелкого чиновника украли шинель, и он, впервые оставив службу, пытается восстановить справедливость, но был распечен значительным лицом, заболел и умер. Однако Гоголь не случайно дописывает фантастический финал этой истории: сама петербургская действительность и существование в ней человека представляются фантастическими, здесь нарушаются коммуникационные отношения между людьми (Акакий Акакиевич — сослуживцы, частный пристав, значительное лицо), что наводит на сопоставление с евангельским изречением: "они видят, и слышат, и не слышат, и не понимают; ...ибо огрубело сердце людей сих..." [Матф., 13:13, 15]. Христианская этика, проповедующая идеи братства и сострадания, была материализована Гоголем в повести "Шинель" в конкретно-бытовые образы, на что обратили внимание в своих работах Р.Кайль, В.Е.Ветловская и М.Вайскопф. Представленный писателем урбанизированный мир отчужденной личности и ее предметное окружение потрясает своей незащищенностью, каждый умирает в одиночку, в большом густонаселенном городе, посреди молчаливого равнодушия. И тогда неожиданно читателю открывается истина: город-левиафан при столкновении с вышедшим из своего мономира маленьким человеком уничтожает последнего, сводя сущностную реальность человеческого образа к нулю: "И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его никогда не было" [4, с. 169].

Как видим, последняя петербургская повесть Гоголя "Шинель" насквозь пронизана библейскими и евангельскими мотивами о последних временах. Создаваемая Гоголем в петербургском тексте общая атмосфера вполне соответствовала этим представлениям перед концом света, описанным в евангельском тексте: "люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, ... неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, жестоки, не любящие добра... имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся" [2-е Тимофею, 3: 2—5], что позволяет представить гоголевский городской миф как познannую объективность мира, в котором угадываются черты царства Антихриста.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. — М.: Изд. К. Солдатенкова, 1869. — Т. 3. — 840 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 3-е. — М.: ГИХЛ, 1972. — 470 с.
3. Ветловская В.Е. Повесть Гоголя "Шинель" / трансформация пушкинских мотивов // Русская литература, 1988. — № 4. — С. 41—69.
4. Гоголь Н.В. Шинель // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. — Т.3. — М.: АН СССР, 1938.
5. Дилакторская О.Г. Фантастическое в "Петербургских повестях" Н.В.Гоголя. — Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1986. — 208 с.
6. Маркович В.М. Петербургские повести Н.В.Гоголя. — Л.: Худож. лит., 1989. — 208 с.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — М.: Наука, 1976. — 407 с.
8. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. — М.: Наука, 1975. — 190 с.
9. Hippius A. Gogol's "The Overcoat": a Further Interpretation // Slavic and East European Review, 1976. — № 20. — P.116-138.
10. Эпштейн М.Н. О значении детали в структуре образа ("Переписчики" у Гоголя и Достоевского) // Вопр. лит., 1984. — № 12. — с.134—145.

Т. И. Тверитинова,
кандидат филологических наук
Киев